

М. Л. Кисилиер

СПбГУ — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ И ИМПЕРФЕКТА В ЦАКОНСКОМ ДИАЛЕКТЕ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА¹

Цаконский диалект, сохранившийся в округе Южная Кинурия на Пелопоннесе, принято считать одной из загадок новогреческой диалектологии. Хотя на уровне лексики этот диалект не так уж и своеобразен [Кисилиер 2012; 2017], его пока трудно включить в общую классификационную схему новогреческих диалектов, поскольку многие наблюдаемые в нем явления лишь фиксируются в существующих описаниях [Περνός, Κωστάκης 1933; Perno 1934; Κωστάκης 1951; 1999; Кисилиер 2014], не получая необходимой интерпретации. Не исключено, что именно поэтому некоторые особенности цаконского кажутся не только плохо сопоставимыми с данными других новогреческих диалектов, но и представляются, на первый взгляд, вообще результатом иноязычного влияния. Подобное впечатление касается прежде всего фонетики и морфологии глагола. Если в области фонетики все еще не были предприняты какие-либо шаги, которые бы помогли хоть отчасти проанализировать удивительные метаморфозы, делающие цаконскую лексику совершенно неузнаваемой для носителей других диалектов², то в области глагольной морфологии

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ (проект «Типология аналитических форм глагола (на материале германских языков, древнеармянского, новогреческого языка и его диалектов)» № 14-04-00394). Автор благодарит А. Н. Соболева и В. А. Плунгяна за ценные предложения и идеи на этапе обсуждения поднимаемой в статье темы. К сожалению, не все их удалось здесь реализовать. Отдельная благодарность участникам экспедиций в Цаконию в 2010–2016 гг. — Д. В. Агафоновой, С. В. Выдриной, А. А. Драгункиной и В. В. Федченко — за помощь в сборе и обработке использованного диалектного материала.

² Исследования Михаила Деффнера [Deffner 1881], Юбера Перно и Фанасиса Костакиса [Περνός, Κωστάκης 1933: 12–17; Perno 1934: 45–154; Κωστάκης 1951: 31–62; 1999: 23–46] ограничиваются перечислением фонетических особенностей, наблюдаемых в цаконском. Даже появившаяся относительно недавно диссертация Агафоклиса Хараламбопулоса [Χαραλαμπίδουλος 1980] отличается лишь использованием более современных методов фонетического анализа и предлагает отдельные комментарии социолингвистического характера; см. также: [Кисилиер, Федченко 2011: 263–264].

ситуация заметно лучше. На данный момент удалось установить, по крайней мере, два важных факта:

1. По-видимому, перфект в цаконском диалекте не является «новейшим» заимствованием из стандартного новогреческого, поскольку он обладает определенными особенностями, прежде всего — формальными³, но, возможно, и семантическими, которые еще ждут тщательного описания и анализа. Таким образом, есть основания отнести цаконский к тем новогреческим диалектам, у которых перфект есть⁴.

2. Никосу Лиосису [Liosis 2010] удалось сопоставить глагольные формы, употребляемые в цаконском для выражения потенциалиса и ирреалиса, с аналогичными формами в других диалектах и в стандартном новогреческом и прийти к выводу, что для цаконского характерен «смешанный» принцип образования форм потенциалиса и ирреалиса, то есть комбинируются модели, характерные для разных диалектных вариантов.

Впрочем, основная особенность цаконской глагольной морфологии — знаменитые аналитические формы для выражения настоящего времени и имперфекта — несмотря на исследования [Aerts 1965; Liosis 2011], до сих пор ставит перед исследователем множество вопросов.

(1a)	<i>éma</i>	<i>éx-a</i>	<i>ḡí-a</i>	<i>éma</i>
	быть.PST.1SG	иметь-PTCP.F.SG	три-N	быть.PST.1SG
	<i>éx-a</i> . .	<i>ḡi z-i</i>	<i>tse n'a</i>	<i>ḡát-i</i>
	иметь-PTCP.F.SG	два сын-PL	и один.F	дочь-SG.NGEN
	⟨. . .⟩ <i>éñ⁹</i>	<i>gam-ú-a</i>	[неразб.]	<i>t^hon</i>
	быть.PRS.3SG	жить-PTCP-F.SG		в.DEF.M.SG.ACC

³ В частности, в отличие от стандартного новогреческого в цаконском при образовании форм пассивного перфекта может использоваться только вспомогательный глагол 'быть', а не 'иметь'. При этом смысловой глагол независимо от залога часто выступает в форме пассивного причастия: *éni éx-u padr-ef^h-é* <быть.PRS.1SG иметь-PTCP.M.SG жениться-PTCP.PASS-M.SG> '[я] женился' и *éni padr-ef^h-é* <быть.PRS.1SG жениться-PTCP.PASS-M.SG> '[меня] женили'; ср.: [Выдрин 2008: 20]. Вероятно, эта особенность напрямую связана с отсутствием синтетических форм презенса и имперфекта в цаконском.

⁴ Такими диалектами, в частности, являются северногреческие; см.: [Архив 1998–2000].

В (1а) и (1б) используются аналитические формы как настоящего времени (*éni gamúa* и *éni éxa* в примере (1а)), так и имперфекта (*éna éxa* (1а), *éki píu*, *éki théu*, *éki fǎxu*, *éki éxu* в примере (1б)).

Аналитические формы образуются с помощью глагола ‘быть’ в соответствующих лицах настоящего времени или имперфекта и активного или пассивного причастия настоящего времени в номинативе. Род и число причастия определяется родом и числом субъекта (например, ж.р.: *éni gamúa*, *éni / éna éxa* в (1а) и м.р.: *éki píu*, *éki théu*, *éki fǎxu*, *éki éxu* в примере (1б))⁶. Иногда говорящий частично фонетически редуцирует вспомогательные глаголы: *éna éxa*, *enⁱ éxa* (1а), *ek^j éxu* (1б), *e juríza* (4). Указанное явление очень характерно для спонтанной речи. Говорящий иногда пропускает вспомогательный глагол. В отдельных случаях причастие может стоять и перед вспомогательным глаголом:

- (2) *a-ú-∅^{r7}* *éniⁱ*
 говорить.IPFV-PTCP-M.SG быть.PRS.1SG
 ‘говорю’

По-видимому, список глаголов, при которых возможна постпозиция вспомогательного глагола, ограничен. Не исключено, что он

⁶ Справедливости ради необходимо отметить, что однажды во время интервью информант употребил синтетическую форму имперфекта рядом с аналитической:

- (i) *ta prót-a kambzí-a p^h émai pí-nde*
 DEF.N.PL первый-N.PL ребенок-PL что быть.PST.1PL делать-PTCP.M.PL
i sát-i i kambzí-∅ ta=ván-ame to
 или дочь-SG.NGEN или ребенок-SG 3.N.PL=клясть.IPFV-PST.1PL DEF.N.SG
ónoma-∅ ta pether-á tse tu pether-ú
 имя-SG DEF.F.SG.OBL свекровь-SG и DEF.M.SG.GEN свекр-SG.GEN
 ‘Первым детям, которых мы рожали — будь то дочь или сын — [мы] давали имена (букв. имя) свекрови и свекра’ [Tsak_038]

С точки зрения цаконской грамматики окончание *-ame* в форме *váname* — это флексия аориста, ср.: *e-zá-kame* <PST-идти.PFV-AOR.1PL>, однако *ván* — основа имперфектива (форма аориста должна выглядеть *e-val-ikame* <PST-клясть.PFV-AOR.1PL>). В стандартном новогреческом, как известно, у имперфекта и аориста одинаковые окончания, и время можно определить только по основе: имперфект *βάλλ-αμε* <бросать.IPFV-PST.1PL> ‘[мы] бросали’ и аорист *βάλλ-αμε* <бросать.PFV-PST.1PL> ‘[мы] бросили’. Во время интервью информант иногда сбивался на новогреческий, очевидно, опасаясь, что собиратели его не поймут, и в итоге, употребил новогреческую форму.

⁷ Звук /r/, по-видимому, вставляется во избежание гиага.

исчерпывается глаголом ‘говорить’. Остается также невыясненным, возможна ли препозиция причастия ж. р.⁸

На данный момент цаконский является единственным новогреческим диалектом, в котором фиксируются аналитические формы для настоящего времени и имперфекта. Более того — и это самое удивительное — в нем отсутствуют иные (то есть синтетические) глагольные формы для выражения настоящего времени и имперфекта. Цаконские аналитические формы **настоящего времени** обладают всеми семантическими характеристиками, обычно свойственными формам настоящего времени. У них обнаруживается хабитуальное значение:

(3a) *íni éⁿg-u-nde ap to mái*
 быть.PRS.3PL приезжать.IPFV-PTCP-PL от DEF.NF.SG.NGEN май
méx^fi to septé^mv³i
 до DEF.NF.SG.NGEN сентябрь
 ‘[Жители Прастоса каждый год] приезжают [в Прастос] с мая по сентябрь’ [Tsak₀₁₇]

(3б) *jatsí s=éⁿi đ'aváz-a ta*
 почему 3PL.ACC=быть.PST.1SG читать.IPFV-PTCP.F.SG DEF.N.PL
elinik-á ó-i bor-ú-a ta
 греческий-N.PL NEG-быть.PRS.1SG мочь-PTCP-F.SG DEF.N.PL

⁸ С. В. Выдрина, проводившая полевое исследование в марте 2008 г. в цаконском селе Тирос, приводит пример, где вспомогательный глагол и причастие расположены дистантно:

(ii) *éni prefú ka xorénga*
 быть.PRS.3SG очень хорошо танцевать.IPFV-PTCP.F.SG
 ‘[Она] очень хорошо танцует.’ [Выдрина 2008: 16]
 (Здесь и далее примеры цит. в МФА.)

Впрочем, С. В. Выдрина не дает ссылку на информанта, а указывает, что пример **одобрен** информантом, то есть, по-видимому, пример был порожден исследователем, а позже проверен у носителя диалекта. В диалектном материале, собранном в ходе серии экспедиций 2010–2016 гг., в записях спонтанной речи не удалось обнаружить ни одного похожего случая. Более того, как свидетельствует собранный материал, даже местоименная клитика не разрывает аналитическую форму и ставится перед вспомогательным глаголом: *s=éⁿi đ'aváza* ‘их читаю’ (пример (3б)). Таким образом, нет оснований утверждать, что вспомогательный глагол обладает свойством отделимости.

tsakónik-a na=ð'aváz-u ka
 законский-N.PL SBJV=читать.IPFV-SBJV.IPFV.1SG хорошо
 ‘Почему (я) их (книги — МК) читаю по-гречески, [потому что
 я] не могу хорошо читать по-цаконски⁹, [Tsak_017]

Из примера (3б) видно, что и модальные глаголы в настоящем времени образуют аналитические формы по той же модели: *ó[ɲⁱ]i borúa*.

С. В. Выдриной в цаконском с. Тирос удалось записать примеры, в которых проявляется генерическое значение (то есть констатация общеизвестного факта):

(4) *a yi e juríz-a*
 DEF.F.SG.NOM земля быть.PRS.3SG крутиться.IPFV-PTCP.F.SG
syúra ap ton íjⁱ-e
 вокруг от DEF.M.SG.ACC солнце-NGEN
 ‘Земля вращается вокруг солнца’ [Выдрина 2008: 14]

Кроме того, она зафиксировала употребление аналитических форм настоящего времени с значением «запланированного будущего» («*expected future*»):

(5) *taxía éɲⁱ fí-a ja tan*
 завтра быть.PRS.1SG уезжать-PTCP.F.SG для DEF.F.SG.ACC
ajθína
 Афины
 ‘Завтра еду в Афины’ [Выдрина 2008: 15]

Ситуация с **имперфектом** представляется более запутанной. В одних случаях у форм имперфекта наблюдается значение **дуратива**:

(6а) *ʃí-∅ úr-e me tu pí-e ap óreyi*
 три-NN час-PL с DEF.M.PL.OBL нога-PL от здесь
na=zá-me ke ʃí-∅
 SBJV=идти.PFV-SBJV.1PL и три-NN
na=mól-ome
 SBJV=прибывать.PFV.SBJV-PFV.1PL.SBJV

⁹ Здесь в речи информанта наблюдается интерференция со стандартным новогреческим, вызванная, скорее всего, тем, что выше упоминался греческий язык (*elíniká*). По-цаконски самоназвание диалекта *a yús-a=namu* <DEF.F.SG.NOM язык-SG.NOM=POSS.1PL> ‘наш язык’, а не *ta tsakónika*, как в (3б); ср.: н.-греч. *та τσακόνικα*.

éma   *kaŋ-imén-i*   *én-a*   *mín-a*
 быть.PST.1PL сидеть-PTCP.PASS-M.PL   один.NF-NGEN   месяц-SG
ba tánu kⁱ émai kám-unde
 там наверху и   быть.PST.1PL трудиться-PTCP.M.PL

‘⟨...⟩ три часа пешком идти [туда] и три возвращаться обратно.
 [Мы] сидели ⟨один⟩ месяц там наверху и трудились’

[Tsak_005]

(66) *e-zá-t^hse*   *se nⁱa... se nⁱa*   *xór-a-∅*
 PST-идти.PFV-AOR.3SG   в   INDF.F   в   INDF.F   деревня-SG.NGEN
óra p^h éki kas-ímen-e   *én-a*
 там   где   быть.PST.3SG   сидеть-PTCP.PASS-M.SG   INDF.NF-NGEN
jég-u
 старик-SG

‘[Он] пришел в... в какую-то деревню ⟨туда⟩, где сидел старик’

[Tsak_074b_1]

В других примерах имперфект употребляется вместо ожидаемого аориста. Так, в (7) глагольная форма в имперфекте описывает однократное действие и имеет явный оттенок перфективности:

(7) *i*   *yoní-e=namu*   *íng^jə*   *fk^já-nde*
 DEF.PL.NOM   родитель-PL=POSS.1PL   быть.PST.3PL   делать-PTCP.M.PL
to   *yám-o*
 DEF.M.SG.ACC   свадьба-SG

‘Родители наши [нам] сделали свадьбу’¹⁰   [Tsak_017]

В примере (8) формы имперфекта и аориста фактически являются однородными сказуемыми:

(8) *e-yír-tse*   *katá pa t^se*   *e-fon^já-e*
 PST-поворачивать.PFV-AOR.3SG   вниз там и   PST-кричать-AOR.
ve mariyó mariyó éa t^si   *es*   .3SG
 эй   Мариго   Мариго   давай   что   быть.PRS.2SG

¹⁰ Стоит отметить, что и по-русски подобное употребление возможно: *Наши родители нам делали свадьбу* (пример подсказан А. Н. Соболевым).

<i>θέ-υ</i>	<i>έα</i>	<i>οὔι</i>	<i>έα</i>	<i>οὔι</i>	<i>έκι</i>
хотеть-PTCP.M.SG	давай	сюда	давай	сюда	быть.PST.3SG
<i>fon'á-nd-υ</i>	<i>ta</i>		<i>ynék-a=si</i>		
кричать-PTCP-M.SG	DEF.F.SG.OBL		женщина-SG.ACC=POSS.3SG		

‘[Он] обернулся туда и закричал: «Эй, Мариго! Мариго!» — «Ну, чего хочешь?» — «Поди сюда, поди сюда» — позвал [он] свою жену’

[Tsak_074b_1]

Интересно, что в одном контексте употреблены две формы от одного глагола: *efon'áe* (аорист) и *éki fon'ándυ* (имперфект). Объяснить подобные случаи употребления имперфекта непросто. По-видимому, подходить к вопросу о соотношении имперфекта и аориста (сюда же можно добавить и перфект) следует не исключительно на цаконском материале, а в рамках комплексного анализа видовременных отношений в стандартном новогреческом, где, несмотря на отдельные исследования (см., например: [Hedin 1987; Μόζερ 1994]), взаимная дистрибуция указанных времен, в целом, непонятна.

Происхождение аналитических форм в цаконском остается загадкой. В древнегреческом лаконском диалекте (одном из дорийских диалектов), прямым «потомком» которого, как принято считать, является цаконский [Κωντοσόλουλος 2010: 191], настоящее время и имперфект выражались синтетически [Méndez Dosuna 2001]. Вероятно, аналитические формы развились в цаконском к византийскому периоду¹¹. Возможно, на их появление и развитие повлияли другие

¹¹ Никос Лиосис [Liosis 2011: 474f] вслед за [Aerts 1965: 106–109] считает, что цаконские аналитические формы следует считать инновациями. Важнейшим доводом здесь служит утверждение о том, что цаконцы достаточно поздно приняли христианство (ср.: [Сюзюмов 1974: 211]), а большинство аналитических форм, фиксируемых в византийский период, приходится на агиографические и религиозные тексты (см. ниже примеры (11) и (12)). Данный довод представляется недостаточно убедительным. Во-первых, цаконский, несомненно, контактировал с эллинистическим койне, благодаря чему основным глаголом речевой деятельности стал [*éni*] *ai* ‘говорю’, восходящий к д.-греч. *λαλώ* (*λαλέω*) ‘болтать’, а не какой-либо дериват от глагола *λέγω* ‘говорить’, как это случилось в некоторых других диалектах новогреческого языка, например, в кипрском. Принято считать, что употребление *λαλώ* в значении ‘говорить’ распространилось в грекоязычном мире в первые века новой эры в связи с распространением эллинистического койне. Во-вторых, некоторые ранневизантийские агиографические тексты передавали особенности разговорного языка своего времени (см. сн. 14).

языки, в которых используются аналитические формы для настоящего времени и имперфекта. Таким языком мог стать, например, итальянский (в частности, венецианский диалект), с которым цаконский активно контактировал и даже заимствовал значительное количество лексики [Кисилиер 2012: 267; Кисилиер 2017: 118–119]. Нельзя исключать также влияния со стороны албанского языка, о тесных контактах с которым можно судить по лексическим заимствованиям [Кисилиер 2012: 266; Кисилиер 2017: 115–116]. Впрочем, предположение об иноязычном влиянии нельзя рассматривать как исчерпывающее объяснение, тем более что и другие новогреческие диалекты не менее активно контактировали с итальянским (например, критский и кипрский) и со славянскими языками (например, лесбосский и фессалийский), однако ни в одном из них аналитические формы для настоящего времени и имперфекта не зафиксированы¹². Кроме того, цаконский не контактировал ни с одним языком, в котором бы вообще не было синтетических форм настоящего времени и имперфекта.

Резонно предположить, что в цаконском были какие-то внутренние предпосылки для развития аналитических форм настоящего и имперфекта. Эти предпосылки, хотя и получили развитие только в цаконском, скорее всего, должны были бы иметь более или менее общегреческий характер. Так, огромное количество примеров с перифрастическими конструкциями для выражения имперфекта обнаруживаются в «Новом Завете»:

- (9) *Kaì ἦν διδάσκ-ων τὸ*
 и быть.PST.3SG учить.IPFV-PTCP.PRS.M.SG.NOM DEF.N.SG.NGEN
καθ' ἡμέρ-αν ἐν τῷ ἱερ-ῶ
 каждый день-SG.ACC в DEF.NF.SG.DAT храм-SG.DAT
 'И [Иисус] учил каждый день в храме' (Лс 19:47)

Эти перифрастические конструкции образуются по той же модели, что и в цаконском: глагол 'быть' в имперфекте и причастие настоящего времени в соответствующем роде и числе. Можно

¹² Следует, однако, отметить, что цаконский является одним из немногих новогреческих диалектов, где причастия не адъективировались, а употребляются предикативно. Впрочем, неясно, что здесь первично: сохранение предикативного употребления причастий, способствовавшее появлению аналитических форм, или возникновение аналитических форм, благодаря которым предикативное употребление причастий возможно в цаконском до сих пор.

предположить, что в «Новом Завете», в отличие от цаконского, процесс грамматикализации находится на более ранней стадии развития, так как еще нет запрета на разрыв составляющих внутри конструкции:

- (10) *Kaì ἦσαν οἱ μαθηταὶ Ἰωάννου*
 и быть.PST.3PL DEF.M.PL.NOM ученик-PL.NOM Иоанн-GEN
καὶ οἱ Φαρισαῖοι
 и DEF.M.PL.NOM фарисей-PL.NOM
νηστεύοντες
 поститься.IPFV-PTCP.PRS.M.OBL-M.PL.NOM
 ‘И ученики Иоанна, и фарисеи постились’ (Mc 2:18)

Традиционно грамматики «Нового Завета» трактуют это явление как семитизм [Blass, Debrunner 1990: 285–287; Turner 1976]. Гудмунд Бьёрк, посвятивший отдельную книгу перифрастическим конструкциям с глаголом ‘быть’ в греческом языке [Björck 1940], отмечает, что сочетание глагола-связки в имперфекте с причастием чаще всего встречается в «Евангелии от Луки», и называет подобные перифрастические конструкции прогрессивными. Ему также принадлежит важное наблюдение о том, что конструкции с глаголом ‘быть’ имеют греческие корни (ср.: [Moulton 1919: 225–228]) и связаны с народной нарративной традицией. Действительно, как показывают количественные данные, приведенные Крисом Карагунисом [Caragounis 2004: 177], сочетание *ἦν διδάσκων* в функции имперфекта встречается в древнегреческом и до «Нового Завета» (например, дважды у Полибия)¹³, однако именно в «Новом Завете» и в апокрифических текстах отмечается пик его употребления (например, восемнадцать раз в «Евангелии от Марка», двадцать раз в «Евангелии от Луки», шесть раз в «Деяниях апостола Фомы»). Согласно Крису Карагунису, конструкция *ἦν διδάσκων* встречается и позже, в частности, однажды в VI в. у Иоанна Малалы [Caragounis 2004: 177]. Кроме того, сочетания глагола-связки в имперфекте и причастия удалось обнаружить в крайне популярном ранневизантийском патерике начала VII в. «Луге Духовном», написанном Иоанном Мосхом¹⁴:

¹³ В [Blass, Debrunner 1990: 285–287] также фиксируются единичные примеры сочетаний глагола-связки в имперфекте и причастия у Эпикура и в эллинистических папирусах.

¹⁴ Создавая «Луг Духовный», Иоанн Мосх, по-видимому, передает разговорный язык образованного духовенства своего времени. Возможно, именно это стало одной из главных причин невероятной популярности патерика: сохранилось

(11)	Ἦν	δέ	οὗτ-ος	ὁ
	быть.PST.3SG	EMPH	этот.M.NOM-M.SG.NOM	DEF.M.SG.NOM
	γέρον	ἑάσ-ας		τήν
	старец-SG.NOM	покидать.AOR-PTCP.AOR.M.SG.NOM		DEF.F.SG.ACC
	ίδί-αν	ἐπισκοπ-ήν	διὰ	τόν
	свой-F.SG.ACC	епископия-SG.ACC	из-за	DEF.M.SG.ACC
	θε-όν,	καί	ἔλθ-ών	πλησίον
	Бог-SG.ACC	и	идти.AOR-PTCP.PRS.M.SG.NOM	близко
	κώμ-ης		ἐπιλεγ-ομέν-ης	
	деревня-SG.GEN		называть.IPFV-PTCP.PRS.PASS-F.SG.GEN	
	Βεταναβάρ-εως		(ἀφέστ)ηκ-εν	δέ
	Ветанавария-SG.GEN		отстаивать.PRF-PST.3SG	EMPH
	τοῦ	ἁγί-ου	Ἰορδάν-ου	ὠς
	DEF.NF.SG.GEN	святой-NF.SG.GEN	Иордан-GEN	около
	σημεί-οις	ἕξι),	ἡσυχάζ-ων	
	знак-PL.DAT	шесть	подвязаться.IPFV-PTCP.PRS.M.SG.NOM	

‘Этот старец оставил ради служения Богу свою епископию и, придя к селению под названием Ветанавария (которое находится на расстоянии шести миль от святого Иордана), там поселился в уединении’ [PG 2952A12–B1]

В примере (11) обнаруживаются две перифрастические конструкции: ἦν <...> ἑάσας и ἦν <...> ἡσυχάζων (обе выделены полужирным шрифтом). Первая, несомненно, является аналитической формой плюсквамперфекта. Вторую некоторые исследователи предлагают понимать как аналитическую форму перфекта [Mihevč-Gabrovec 1960: 67]. С подобной интерпретацией трудно согласиться. Более предпочтительно было бы рассматривать ἦν <...> ἡσυχάζων как перифрастическую конструкцию со значением имперфекта. Тогда в (11) проявляется классическое согласование времен (независимый таксис): более удаленное от момента речи действие выражается плюсквамперфектом, а менее удаленное — имперфектом.

145 рукописей, содержащих текст целиком или в отрывках; кроме того, известно огромное количество переводов на другие языки, первые из которых были приняты почти сразу после написания текста (подробнее о «Луке Духовном» см.: [Кисилиер 2011]). Примеры из «Лука Духовного» цитируются по «Греческой патрологии» (PG), по изданию [Migne 1863].

Перифрастические конструкции со значением имперфекта, состоящие из глагола ‘быть’ с причастием, фиксируются в греческом языке и значительно позже. Брайан Джозеф [Joseph 2000: 144], например, сообщает об их использовании в переводе «Ветхого Завета», появившемся в Константинополе в 1547 г. Распространение подобных конструкций можно объяснять двояко: либо влиянием библейской традиции (как языка «Нового Завета», так и непосредственных гебраизмов), либо тем, что они связаны, как отмечалось выше, с народной нарративной традицией. Известно, что такого рода перифразы с прогрессивным значением использовались в латыни сначала в раннехристианских переводах с греческого, а потом уже и в оригинальных текстах [Haverling 2008: 100–101], а также и в церковнославянских текстах, в которых появление перифрастических конструкций далеко не всегда связано с непосредственным влиянием библейской традиции [Плунгян 2012]. Таким образом, ничто не мешает предположить, что перифрастические конструкции со значением имперфекта могли попасть и в цаконский, если не в дохристианское время, то в ранневизантийский период. Остается, правда, несколько существенных вопросов:

1. Можно ли считать перифрастические конструкции, приведенные в примерах (9)–(11) аналитическими формами имперфекта? Действительно, довольно часто вспомогательный глагол и причастие не расположены контактно, причем и в (10), и в (11) дистанция между ними значительна. Необходимо, впрочем, уточнить, насколько для аналитической формы важна «спаянность» компонентов. Например, компоненты формы пассивного плюсквамперфекта, которая в грамматиках древнегреческого языка традиционно трактуется как аналитическая, могут быть расположены на значительном расстоянии друг от друга:

(12)	<i>τὰ</i>		<i>κτίσιμα-τα</i>		<i>τὰ</i>
	DEF.N.PL.NGEN		здание-PL.NGEN		DEF.N.PL.NGEN
	<i>δημόσι-α</i>				<i>ἀν-φκοδομ-οὔντο·</i>
	общественный-PL.NGEN				вновь-строить.IPF-IPF.PASS.3PL
	<i>ἦν</i>	<i>γὰρ</i>	<i>ἐκ</i>	<i>τοῦ</i>	<i>σεισμο-οῦ</i>
	быть.PST.3SG	ибо	из	DEF.NF.SG.GEN	землетрясение-SG.GEN
	<i>ἦ</i>	<i>πόλι-ς</i>			
	DEF.F.SG.NOM	город-SG.NOM			

συλλεσ-οῦσ-α

обрушиваться. AOR-PTCP.PRS.F-F.SG.NOM

‘... вновь отстраивались общественные здания, ибо город из-за землетрясения был разрушен’ [PG 2885D5–2888A2]

2. Чем аналитические формы имперфекта отличались от соответствующих синтетических форм? Большинство исследователей приписывает формам с глаголом ‘быть’ прогрессивное значение. Представляется, что такой подход имеет под собой не столько реальные основания, сколько желание показать их отличие от синтетических форм. Скорее всего, определить значение синтетических форм возможно лишь путем сопоставления с соответствующим латинским и древнеславянским материалом (ср.: [Плунгян 2012]). В цаконском у аналитических форм иногда проявляется неожиданные значения. Так в примере (1а) вместо настоящего времени употреблен имперфект. Если это, конечно, не странная оговорка информанта (кстати, говорящего на диалекте, по общему утверждению, лучше, чем на стандартном новогреческом), можно предположить, что, употребляя имперфект, говорящий хочет сказать, что «у нее **было и есть** трое детей», то есть придает аналитической форме имперфекта значение перфекта.

Большинство вопросов пока так и остаются без ответов. Неизвестно, откуда взялись аналитические формы настоящего времени¹⁵. Неясно (и, скорее всего, так и останется невыясненным), как аналитические формы вытеснили синтетические и почему данный процесс произошел только в цаконском диалекте. Тем не менее, принципиально важной представляется идея о том, что аналитические формы не просто случайное иноязычное заимствование, а развитие неких предпосылок, заложенных в греческом языке вообще. Эти предпосылки отчасти проявлялись на разных этапах развития греческого языка, но только в цаконском произошла грамматикализация и появились такие неожиданные для греческого аналитические формы настоящего времени и имперфекта.

¹⁵ Остроумным представляется предположение Христоса Тзитзилиса [Tzitzielis 2017], по мнению которого в цаконском синтетические формы настоящего времени не исчезли, а перешли из индикатива в конъюнктив, например, в (16): *πα=οτ-ᾶνⁱ* <SB|V=видеть-PFV.3SG.SB|V> (ср.: [Haspelmath 1998]). Очевидно, впрочем, что такое объяснение не годится для аналитических форм имперфекта.

Список условных сокращений

= — показатель клитики; 1, 2, 3 — лицо у глаголов и местоимений; д.-греч. — древнегреческий; ж. р. — женский род; м. р. — мужской род; н.-греч. — новогреческий; *неразб.* — неразборчиво (о дешифровке); ACC — аккузатив; AOR — аорист; DAT — датив; DEF — определенная форма/показатель определенности; EMPH — показатель эмфазы; F — женский род; GEN — генитив; INDF — неопределенная форма/показатель неопределенности; IPF — имперфект; IPFV — имперфектив; Lc — «Евангелие от Луки»; M — мужской род; Mc — «Евангелие от Марка»; N — средний род; NEG — отрицание; NF — неженский род; NGEN — негенитив; NN — несредний род; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PASS — неактивный залог; PFV — перфектив; PG — «Patrologia Graeca»; PL — множественное число; POSS — посессивность (притяжательное местоимение); PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число.

Литература

- Выдрина 2008 — С. В. Выдрина. Видовременная система цаконского диалекта новогреческого языка. Дипломная работа. СПбГУ, СПб., 2008.
- Кисилиер 2011 — М. Л. Кисилиер. Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Мосха. СПб.: Алетейя, 2011.
- Кисилиер 2012 — М. Л. Кисилиер. Цаконские стереотипы // А. Х. Гирфанова, С. В. Иванов, Н. Н. Казанский, Е. Р. Крючкова, А. И. Фалилеев (ред.). *Varietas delectans*. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 262–271.
- Кисилиер 2014 — М. Л. Кисилиер. Цаконский диалект: новый взгляд // В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (отв. ред.). *От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской*. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 330–348.
- Кисилиер 2017 — М. Л. Кисилиер. Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: Предварительные наблюдения и перспективы исследования // *Вопросы языкознания* 1, 2017. С. 105–136.
- Кисилиер, Федченко 2011 — М. Л. Кисилиер, В. В. Федченко. К вопросу о мягких согласных в цаконском диалекте новогреческого языка // *Индоевропейское языкознание и классическая филология XV*, 2011. С. 259–266.
- Плунгян 2012 — В. А. Плунгян. К семантике аналитических конструкций с причастиями в эллинистическом койне. Доклад, прочитанный на заседании семинара проблемной группы по теории грамматики. Ин-т языкознания РАН, Москва, 14 мая 2012 г.

- Сюзюмов 1974 — М. Я. Сюзюмов. Συμεωνίδης Χ. Π. Οί Τζάκωνες και ή Τζακωνία. Рецензия // Византийский временник 36, 1974. С. 210–212.
- Aerts 1965 — J. Aerts. *Periphrastica*. Amsterdam: Hakker, 1965.
- Björck 1940 — G. Björck. *HN ΔΙΔΑΣΚΝ*: Die periphrastischen Konstruktionen im Griechischen. Uppsala — Leipzig: Almqvist & Wiksells Boktryckeri-A.-B. — O. Harrassowitz, 1940.
- Blass, Debrunner 1990 — F. Blass, A. Debrunner. *Grammatik des neutestamentlichen Griechisch*. Bearbeitet von F. Rehkopf. 17. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1990.
- Caragounis 2004 — C. C. Caragounis. *The Development of Greek and the New Testament: Morphology, Syntax, and Textual Transmission* [Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament 167]. Tübingen: Mohr Siebeck, 2004.
- Deffner 1881 — M. Deffner. *Zakonische Grammatik*. Vol. I. Lautlehre. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1881.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. *The semantic development of old presents: new futures and subjunctives without grammaticalization* // *Diachronica* 1, 1998. P. 29–62.
- Haverling 2008 — G. V. M. Haverling. *On the development of actionality, tense, and viewpoint from Early to Late Latin* // F. Josephson, I. Söhrman (eds.). *Interdependence of Diachronic and Synchronic Analyses*. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 73–104.
- Hedin 1987 — E. Hedin. *On the Uses of the Perfect the Pluperfect in Modern Greek* [Studia Graeca Stockholmiensia 6]. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1987.
- Joseph 2000 — B. D. Joseph. *Processes of spread for syntactic constructions in the Balkans* // L. Tzitzipis, C. Symeonidis (hrsg.). *Balkan Linguistik: Synchronie und Diachronie*. Thessaloniki: Aristoteles Universität Thessaloniki, 2000. P. 139–150.
- Liosis 2010 — N. Liosis. *Counterfactuality in the Tsakonian dialect: a contribution to the history of ήθελα and ήμουν* // A. Ralli, B. D. Joseph, M. Janse, A. Karasimos (eds.). *Proceedings. 4th International Conference of Modern Greek Dialects and Linguistic Theory (MGDLT4)*, Chios, 11–14 June 2009. Patras: University of Patras, 2010. P. 111–123.
- Liosis 2011 — N. Liosis. *Auxiliary verbs and the participle in the Tsakonian dialect: towards a periphrastic verbal system* // K. Chatzopoulou, A. Ioannidou, S. Yoon (eds.). *Proceedings of the 9th International Conference on Greek Linguistics (ICGL 9)*, University of Chicago, Chicago, Illinois, 29–31 October 2009. Ohio: Ohio State University, 2011. P. 469–479.
- Méndez Dosuna 2001 — J. Méndez Dosuna. Δωρικές Διάλεκτοι // Α.-Φ. Χριστίδης (επιστ. επιμ.). *Ιστορία της Ελληνικής γλώσσας*.

- Από της αρχές έως την ύστερη αρχαιότητα. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών — Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 2001. Σ. 326–338.
- Migne 1863 — J.-P. Migne. *Patrologiæ cursus completus. Series Græca*. Vol. LXXXVII, 3. Paris: J.-P. Mine, 1863.
- Mihevč-Gabroveč 1960 — E. Mihevč-Gabroveč. *Études sur la syntaxe de Joannes Moschos*. Ljubljana, 1960.
- Moulton 1919 — J. H. Moulton. *A Grammar of New Testament Greek. Vol. I. Prolegomena*. 3rd edition with corrections and additions. Reprint. Edinburgh: T. & T. Clark, 1919.
- Perno 1934 — H. Pernot. *Introduction à l'Étude du Dialecte Tsakonien* [Collection de l'Institut Néo-Hellénique de l'Université de Paris 2]. Paris: Les Belles Lettres, 1934.
- Turner 1976 — N. Turner. *The quality of the Greek of Luke-Acts* // J. K. Elliott (ed.). *Studies in New Testament Language and Text*. Leiden: Brill, 1976. P. 387–400.
- Κοντοσόπουλος 2010 — Ν. Γ. Κοντοσόπουλος. *Κατωιταλική και Τσακωνική* // Μ. Ζ. Κοπιδάκης (επιστ. επιμ.). *Ιστορία της Ελληνικής γλώσσας*. Αθήνα: Μορφωτικό Ίδρυμα Εθνικής Τράπεζας, 2010. Σ. 190–192.
- Κωστάκης 1951 — Θ. Π. Κωστάκης. *Σύντομη Γραμματική της Τσακωνικής Διαλέκτου* [Collection de l'Institut Français d'Athènes 35]. Αθήνα: Institut Français d'Athènes, 1951.
- Κωστάκης 1999 — Θ. Π. Κωστάκης. *Γραμματική της Τσακωνική διαλέκτου (περιφέρεια Λεωνιδίου-Πραστού)* // *Χρονικά των Τσακωνών ΙΕ'*, 1999.
- Μόζερ 1994 — Α. Μόζερ. *Ποιόν και απόψεις του ρήματος* [Παρουσία 30. Παράρτημα]. Αθήνα: Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών, 1994.
- Περνό, Κωστάκης 1933 — Ου. Περνό, Θ. Π. Κωστάκης. *Σύντομος Γραμματική τῆς Τσακωνικῆς Διαλέκτου*. Ἀθήναι, 1933.
- Τζιτζιλής 2017 — Χ. Τζιτζιλής. *Η τσακωνική διάλεκτος* // Χ. Τζιτζιλής (επιστ. επιμ.). *Οι νεοελληνικές διάλεκτοι*. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών. Β печати.
- Χαραλαμπόπουλος 1980 — Α. Λ. Χαραλαμπόπουλος. *Φωνολογική ανάλυση τῆς Τσακωνικῆς διαλέκτου*. Διδακτορική διατριβή πού ὑποβλήθηκε στή Φιλοσοφική Σχολή τοῦ Ἀριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης. Ἀριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Θεσσαλονίκη, 1980.

Источники

- Архив 1998–2000 — Архив МДАБЯ в МАЭ «Кунсткамера» РАН. Греция, Западная Македония, село Эратира. Собиратели: А. Б. Борисова, А. Н. Соболев, В. В. Зайковский, Т. А. Зайковская, Ю. А. Лопашов. Материал собран в 1998–2000 гг.
- Tsak_005 — Информанты: Мария Х. и Христос К., 81 г., с. Мелана. Собиратель и первичная дешифровка: В. В. Федченко. Длительность записи: 3 ч. 28 мин. 1 сек.
- Tsak_017 — Информант: Ставрулла П., 84 г., с. Прастос. Собиратель и первичная дешифровка: М. Л. Кисилиер. Длительность записи: 1 ч. 2 мин. 47 сек.
- Tsak_031 — Информант: Елени Т., 79 л., с. Мелана. Собиратели: С. В. Выдрина, М. Л. Кисилиер и В. В. Федченко. Первичная дешифровка: М. Л. Кисилиер. Длительность записи: 46 мин. 2 сек.
- Tsak_038 — Информант: Дзелина В., 75 л., с. Прастос. Собиратель и первичная дешифровка: В. В. Федченко. Длительность записи: 1 ч. 51 мин. 28 сек.
- Tsak_074b_1 — Информант: Йоргос П., 73 г., с. Васкина. Собиратели: Д. В. Агафонова, А. А. Драгункина и М. Л. Кисилиер. Первичная дешифровка: А. А. Драгункина. Длительность записи: 15 мин. 6 сек.